

Кто утопил невинную Офелию?

Литература и власть

Если Шекспир — величайший писатель мировой литературы и на этом основании назван человеком тысячелетия, то «Гамлет» — несомненно, центральное произведение шекспировского наследия. Есть в нем некая тайна, казалось бы, недоступная рациональному пониманию и веками заставлявшая читателей и зрителей, актеров и режиссеров снова и снова вчитываться в этот текст и вглядываться в маски его персонажей. И вот через четыреста лет, на стыке веков и тысячелетий нашелся наконец человек, проникший в эту тайну и давший миру ее конгенальное объяснение. Человек этот — философ и аналитик, литературовед-структуралист Альфред Николаевич Барков. Наш корреспондент Владимир КОЗАРОВЕЦКИЙ взял у него обширное интервью, текст которого мы и предлагаем читателям «Новых Известий».

Нам ввали 400 лет

В.К.: Альфред Николаевич, ваш интерес к «Гамлету» вряд ли нужно объяснять — и все же: что именно заставило вас внимательнее других вчитаться в этот текст?

А.Б.: Наличие в тексте «Гамлета» таких противоречий, которые никак не согласовываются с нашим представлением о Шекспире как о гении — причем они бросаются в глаза, они видны, что называется, невооруженным глазом. Об этих противоречиях писали многие исследователи творчества Шекспира; например, Нобелевский лауреат Т.С. Элиот назвал их «отсутствием объективного соответствия» и отмечал, что они резко снижают художественные достоинства «Гамлета».

В.К.: Вы можете привести примеры таких противоречий?

А.Б.: Да, конечно. Чтобы не казалось, что я «отлавливаю блох», приведу три таких несоответствия в фабуле из обозначенных А.А. Анисимом — по его книгам училось не одно поколение студентов филфаков в СССР и России:

1. В первом акте Гамлету 20 лет, а в пятом — 30, хотя времени между этими актами проходит всего ничего.

2. Друзья Гамлет и Горацио встречаются так, словно они давным-давно не виделись, но они оба учатся в Виттенберге и, следовательно, за два месяца до встречи оба были там; по получении известия о смерти короля Горацио должен был бы выразить другу соболезнования, и они вместе должны были бы отправиться в Англию.

3. Они оба прибыли на похороны короля, находились все это время в Эльсноре — и за два месяца ни разу не встретились, что просто невероятно.

Я бы к последнему пункту добавил: еще более невероятно, что они не виделись на похоронах и разминувшись у гроба короля.

Есть и другие вопиющие противоречия, о них неизбежно пойдет речь, но даже этих достаточно для того, чтобы усомниться в том, что мы понимаем замысел Шекспира.

В.К.: Вы хотите сказать, что у этих противоречий есть смысл, что Шекспир их задумал и ввел в текст сознательно?

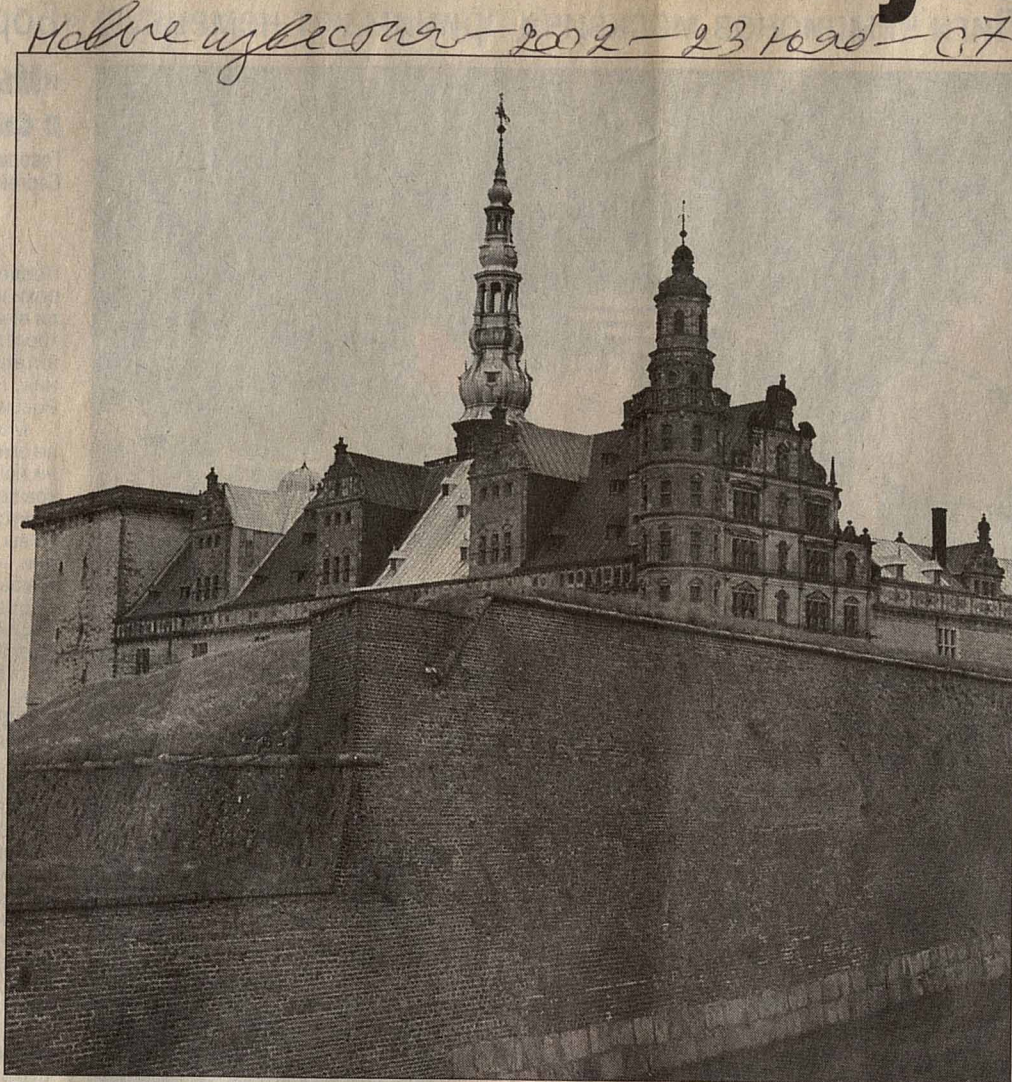
А.Б.: Именно так. Но здесь, как бы мне ни хотелось обойтись без использования литературоведческих терминов для газетного интервью, придется все же кое-что назвать «своими именами»: если мы интуитивно воспринимаем «Гамлета» как гениальное произведение, несмотря на наличие такого рода грубых «ошибок» автора и фабульных несоответствий, значит «драма» «Гамлет» фактически является романом-мэмпией, и все противоречия в ней — не ошибки автора, а художественное средство.

В.К.: Не поясните ли вы для нашего читателя, что такое «мэмпия»?

А.Б.: Мэмпия — производное от мэмпия, имени рассказчика-персонажа древнегреческих сатир, от лица которого велось повествование. Чтобы это было понятней, приведу близкий нам по времени пример: какой-нибудь «выпускник кулинарного техникума» безусловно не воспринимается нами как автор текста, хотя герой говорит «я».

В.К.: Вы хотите сказать, что рассказчик в «Гамлете» не Шекспир?

А.Б.: В том-то все и дело. «Гамлет» — такая же мэмпия, как и эта юмористическая миниатюра, но рассказчик у Шекспира, являясь как бы его «соавтором», пытается скрыть свою композиционную роль, выдать «свое» творение за произведение Шекспира. Будучи участником событий, в которых он играет неблагоприятную роль, он так ловко скрывает правду о них или искажает ее, что читающая публика вот уже 400 лет верит ему, а не Шекспиру. «Истинный» характер событий можно уяснить,

Легендарный замок Эльсинор в Дании.

только когда мы поймем, но понятие персонажей ведет этот скрытый рассказ и какие мотивы побуждают его врать. А информация об «истинных» событиях в таких текстах по закону жанра содержится обязательно; как ни парадоксально, она скрывается как раз за теми вопиющими противоречиями, о которых шла речь.

В.К.: И кто же рассказчик в «Гамлете»?

А.Б.: Разумеется, я мог бы сразу назвать его — да и в тексте «Гамлета» есть прямое указание. Но мне кажется, было бы интереснее для читателя догадаться самому. Я уверен, что мы не успеем закончить наш разговор по поводу этого произведения, как вы поймете, кто именно в нем «наводит тень на плетень». Тем более что как только мы начинаем понимать, что имеет место и вторая, «истинная» фабула, количество обнаруживаемых «противоречий» в тексте начинает расти как на дрожжах, и в то же время все они находят логичное объяснение.

Сколько отцов у принца Гамлета?

В.К.: Например?

А.Б.: Из того, что уже сказано, можно сделать вывод, что либо Гамлет и Горацио не учились вместе в Виттенберге (что противоречит тексту), либо не было самих похорон (что, на первый взгляд, звучит дико, но не противоречит тексту, поскольку никаких деталей похорон в нем нет). Более того, попар на церковное кладбище при Эльсноре — а это место может быть единственным местом, где хоронят знатных, — Гамлет растроган воспоминаниями о том, как он 23 года назад целовал губы шута, чей череп он теперь держит в руках, но ни слова не говорит о недавно погибшем и захороненном здесь же отце — даже когда могильщик напоминает ему о поединке короля Гамлета с Фортинбрасом. Другими словами, у принца вроде бы как два отца: один похоронен два месяца назад, и по ходу действия Гамлет то и дело скорбит о нем, а о другом он даже не вспоминает; с другой стороны, у короля Гамлета как бы два сына: один 20, а второй 30 лет от роду...

В.К.: Так все-таки похороны были или нет?

А.Б.: Были, но не «сейчас»: «нынешние» похороны — часть вымышленной фабулы вставной драмы («Мышеловки»), которую ставят в Эльсноре. Основная фабула «Гамлета» — показ постановки этой вставной драмы. Но дело не в этой частности: при таком «недоверчивом» чтении (а мэмпия следует читать именно так, недоверчиво) довольно быстро образы королей Гамлета и Клавдия сливаются в один персонаж с единой биографией.

В самом деле, в тексте нет ничего, что подтверждало бы, что последний муж Гертруды появился в Эльсноре два месяца назад, зато многое говорит за то, что он стал ее мужем, когда принц Гамлет был еще ребенком. Например, Король говорит прибывшим в замок Розенкранцу и Гильденстерну, что

давно хотел их видеть, но понятие «давно» здесь употреблено явно не к месту, если речь идет о двух месяцах, тем более что — со слов рассказчика — в эти два месяца укладываются смерть короля, замужество его вдовы и инаугурация ее нового мужа. И таких «неуязвок» по всему тексту множество.

Но самая явная «подсказка» о том, что «нынешний» король правит Данией давно, содержится в реплике могильщика «Этот череп, сэр, был черепом Йорика, шута Короля». (This same skull, sir, was Yorick's skull, the King's jester). *Драматическая конструкция которой в подлиннике означает, что тот самый Король, которому служил Йорик, жив до «настоящего времени».* Словом, отчим принца занимает престол по крайней мере более 20 лет.

Но это только цветочки. Из текста известно, что «ныне живущий» муж Гертруды — родной дядя принца Гамлета; но этот же персонаж называется престарелого короля Норвегии своим братом («наш возлюбленный брат»), и, следовательно, Норвежец и король Гамлет — родные братья. Но Норвежец — и брат покойного короля Дании Фортинбраса, поскольку сын последнего — его племянник, и значит, короли Гамлет и Фортинбрас были родными братьями. Выходит, сам король Гамлет обгадил руку кровью родного брата и создал прецедент, который ставит под сомнение искренность принца, убивающего его по поводу злодейского убийства своего папаша.

В.К.: А разве это была не общепринятая тогда формула в общении между королями: «наш возлюбленный брат», «наша сестра» и т.п.?

А.Б.: Да не было никаких таких «формул», они придуманы шекспироведами из-за неправильно понятой мэмпией Шекспира. У него «брат» означает *брат* — и ничего другого, а если король говорит о Гертруде «сестра», то надо сразу же проверять перевод: в английском тексте стоит «наша бывшая сестра, а теперь наша королева» — our sometime sister, now our queen, и это не случайно: она была женой брата! Да и в другом акте отчим Гамлета в тиреде о короле Англии даже не думает называть его «братом».

В.К.: Стало быть, «сейчас» правит король Гамлет; но чей же тогда сын — принц Гамлет?

А.Б.: Из первого акта известно, что принц Гамлет рожден в замке Эльсинор, а из сцены на кладбище (диалог принца Гамлета с первым могильщиком) — что это произошло в тот самый день, когда состоялся поединок с Фортинбрасом, который до этого владел Эльснором. Если не принимать всерьез совсем уж безумное предположение, что король Гамлет привез на поединок в чужой, пока еще не завоеванный замок свою беременную — на сносях — жену, то следует признать, что в тот день там могла рождать только жена его тогдашнего владельца. То есть, что Гертруда — вдова короля Фортинбраса. А принц Гамлет — его родной сын и младший брат принца Фортинбраса (вот почему он перед смертью отдает свой голос в его пользу, когда идет речь о наследовании датского престола).

Кстати, в первом издании «Гамлета» (1603) прямо говорится, что принц Гамлет — сын покойного короля Фортинбраса. Но это слишком просто для Шекспира и броско, и в последующих изданиях он подает этот факт несколько завуалированно, приглашая читателя поработать мозгами.

В.К.: Но тогда почему он Гамлет?

А.Б.: Старшему сыну, наследнику, давалось имя отца, и этот принцип в произведении выдержан. В самом деле принц Фортинбрас носит имя своего отца — он старший сын; в одной из двух фабул принц Гамлет является сыном короля Гамлета и носит его имя. Однако в другой, «истинной» фабуле он сын короля Фортинбраса и младший брат принца Фортинбраса, и в этом случае надо объяснить, почему его нарекли именем дяди.

Выиграв поединок, король Гамлет не стал собственником земель, это право осталось за Гертрудой (jointress), о чем упоминает Король в своем обращении к придворным. Следовательно, Гамлет стал не королем, а принцем-консортом при вдове короля Фортинбраса. В таком случае право наследования должно передаваться через рожденных ею детей. В день поединка и рождения принца имя его отца было «занято» старшим братом, но выигравший поединок Гамлет получил право стать мужем Гертруды и отчимом новорожденного законного наследника; ни рождение, ни ее новому супругу ничего не оставалось делать, как дать новорожденному имя отчима — тем более что тот пришелся ему родным дядей.

В.К.: Неужели Шекспир и впрямь все это имел в виду?

А.Б.: У него в «Гамлете» выверено каждое слово, в процессе исследования я в этом убедился, а уж такие вещи, как степень родства и право наследования, для Шекспира были чрезвычайно важны в силу его происхождения; не случайное через многие его произведения проходят образы легитимных и нелегитимных принцев, и именно вокруг них крутятся его сюжеты, «истинные» и ложные.

В.К.: А как нам отличить, где «истинный» сюжет, а где ложный? Рассказчик-то один!

А.Б.: Для этой цели Шекспиром использована строфика. То, что всеми шекспироведами воспринималось как ничем не мотивированные многочисленные переходы от стихов к прозе, и наоборот, как странная, несправедливая причуда автора, от объяснения которой стилизовано отворачивались, стало у него опознавательным знаком границы между «правдой жизни» (проза) и «вымыслом» (стихи). «Гамлет» — роман в прозе со вставной стихотворной пьесой «Мышеловка». По фабуле романа Шекспира рассказчик представляет читателю *коллаж* из двух текстов: прозаической часть — «его собственный» текст, стихотворная — полный текст «Мышеловки», «автором» которой является Гамлет. При этом сатирическая «Мышеловка» Гамлета полностью повторяет сложную структуру «Гамлета» Шекспира — таким образом автор (Шекспир) отождествляет себя со

своим героем (Гамлетом). Но, то и дело переходя от стихов к прозе и обратно, рассказчик так скроил свой коллаж, что мы уже четыре сотни лет верим, что «Гамлет» — цельный текст с единой фабулой. Отсюда и все недоразумения.

В.К.: Так кто же нам все-таки врет?

А.Б.: Мы к этому подходим, но давайте сначала разберемся в том, что на самом деле случилось с Офелией.

Кто утопил невинную Офелию?

В.К.: Но ведь известно, что она покончила с собой — утопилась.

А.Б.: В тексте «Гамлета» нигде нет утверждения, что Офелия — самоубийца; это рассказчик искусно внушил нам ложное представление о том, чего не было. Более того, в сцене с могильщиком есть упоминание о том, что дело рассматривалось коронером, который на вопрос, имело ли место самоубийство, может ответить только «да» или «нет». Если бы ответ был «да», ее никак не могли похоронить внутри церковной ограды; следовательно, ответ был «нет» — то есть либо имел место несчастный случай, либо она была убита. Но в таком случае у церкви не было оснований урезать обряд похорон, а из ответов священника брату погибшей видно, что церковь разрешила только *часть* обряда похорон девиц-невиц. Поскольку девиц-невиц нельзя быть наполовину, получается, что кто-то ее обесчестил — а это уже мотив для убийства.

В.К.: Но разве в тексте «Гамлета» есть хоть какой-то намек на то, что у Офелии с кем бы то ни было были близкие отношения?

А.Б.: Да, есть, и не один. Иначе невозможно объяснить оскорбительную грубость принца с его советами Офелии никогда не выходить замуж и удалиться в монастырь и его язвительными замечаниями о женской добродетели — вплоть до высшей степени хамства с девушкой («Неплохо лежать между ног девицы»). Причем эти места поданы прозой (то есть речь идет о том, что имело место в «реальной» жизни), а реакция Офелии на все эти оскорбления более чем сдержанная, хотя она должна была не один раз вцепиться пощечину хаму. Мало того, намекая на поведение дочери, принц обзывает ее отца сутенером.

Шекспироведами эти моменты принято рассматривать как противоречия в прорисовке образа главного героя; они пытаются объяснить поведение принца реакцией на «измену» матери, которая слишком быстро вышла замуж, да еще за убийцу своего мужа. Но мы-то теперь уже знаем, что замуж она вышла за много лет до этого и что убийство было не совсем убийством — все-таки был поединок.

В.К.: Если Офелия была убита, то ее убийство — серьезная причина для того, чтобы попытаться скрыть правду о событиях в замке. Не оно ли оказалось и скрытой пружиной действия?

А.Б.: В какой-то мере. Вспомним дуршаджающую сцену сумасшествия Офелии: из «болтовни» могильщика можно уверенно сделать вывод о том, что именно хотела чисто по-женски поведать королеве забеременевшая девица.

В.К.: Должен признаться, я не один раз читал «Гамлета», и ни разу у меня ни сомнения не возникало по поводу общепринятого восприятия этих персонажей!

А.Б.: Стереотипы довлеют над нами гораздо сильнее, чем мы можем вообразить. Но нам нужно разобрать еще один образ, хотя прямой информации о нем вроде бы и нет. Зато О Горацио есть весьма любопытная косвенная информация.

На кладбище приходит два друга. Горацио, конечно, знает, что Гамлет неравнодушен к Офелии; в день ее смерти он был в замке, факт смерти ему известен. И что же: в его присутствии Гамлет попытается у могильщика, для кого роют могилу, а Горацио стоит рядом и, зная, для кого, Гамлету этого не говорит — то есть в «реальной» жизни (здесь все диалоги поданы прозой) Горацио фактически скрывает от друга, что сейчас будет хоронить девушку, которую тот любит. Такое поведение лучшего друга Гамлета более чем странно.

От кого же нам известно, что это лучший друг Гамлета? Из прозы или из стихов? Все, что можно отразить (и всеми шекспироведами отражено) как положительные отзывы О Горацио, имеет место только в стихотворной части «Гамлета», то есть в вымышленной, придуманной Гамлетом «Мышеловке», а не «в жизни».

В.К.: Уж не Горацио ли является «рассказчиком» в «Гамлете»?

А.Б.: Вы немного опережаете события — мы пока еще в пути. Вот

что можно понять из текста произведения.

Горацио гораздо старше принца: в день рождения принца он присутствовал при поединке и помнит его детали.

Горацио прибыл в замок, казалось бы, на правах гостя, а между тем стража видит Призрака и не просто сообщает об этом Горацио, но *докладывает* ему.

На фоне куртуазно-вежливого обращения с Розенкранцем и Гильденстерном просьба Короля, предписывающая Горацио «присмотреть» за Офелией выглядит как не предполагающая никаких возражений команда. (Никакого соблюдения придворного этикета, и, судя по всему, Горацио настолько близок к Королю, что прибегает к формулам этикета и не требуется; поведение стражи это только подтверждает.)

Горацио получил от Гамлета письмо с сообщением о пленении того пиратом и с просьбой передать послания Гертруде и Королю, но почему-то не сделал этого сам, а перепоручил придворному. Гонец на вопрос Короля, откуда письма, отвечает, что их дал ему *Клавдио*, «который получил их от тех, кто их принес». (То есть Горацио и Клавдио — одно и то же лицо.)

Почему не передал сам? Чем-то был занят? Да, Король поручил ему постоянно находиться при Офелии. Значит, это он был свидетелем ее смерти, с его слов узнала Гертруда об обстоятельствах ее смерти; но он же был и свидетелем попытки Офелии поговорить с королевой наедине.

Из всего этого можно сделать следующие выводы: во-первых, *Клавдио означает «младший Клавдий»*, то есть Горацио — сын короля Гамлета (это объясняет его особое положение в Эльсноре); во-вторых, похоже, что он не смог присмотреть за Офелией, а скорее всего, и сам является виновником ее смерти.

В.К.: Уж не с подачи ли отца, короля Гамлета, расчищающего путь к трону для сына, Горацио не только «присматривает» за Офелией, но и убивает ее?

А.Б.: Такая мысль приходила мне в голову, но очень ненадолго. Анализ текста показывает, что король не так черен, как его малюют шекспироведы. На короле Гамлете лежит вина за смерть брата, и он ее переживает (когда он трезв) — потому и объявляет, что наследником является принц Гамлет. Но всем известны чувства принца к Офелии, в то время как Офелия и Горацио свои отношения скрывали. Когда Офелию убивают в отсутствие принца Гамлета, и к тому же обнаруживается, что она была беременна, король понимает, что осмелился на подобное. Понимая, что его сынок пойдет и на другое убийство, и не желая, чтобы на его совести была еще и смерть племянника, он отсылает принца.

Если Горацио и есть тот, кто обесчестил Офелию, а она собирается сообщить об этом королеве, то понятно, чем грозит ему этот разговор: его заставят жениться, и прощая любую надежду на трон. Горацио — сын короля Гамлета, но он родился до того, как отец стал королем, в другом браке, а на трон Дании, которому его отец получил не «де-юре», а как приданное овдовевшей Гертруды, претендовать не может. В Эльсноре имеют место быть два принца: один — сын Гертруды и Фортинбраса, Гамлет, с правом на трон, и второй — сын короля Гамлета, Горацио, без права на трон. Ко всему они оказались и соперниками в любви.

Для Горацио возможность пробиться к трону, путь к нему лежит через труп Офелии, раз уж она забеременела. Отказаться жениться смерти подобно: и Гамлет в любой момент может вернуться в Эльсинор, и брат Офелии, Лаэрт, — лучший фехтовальщик королевства. В то же время, воспользовавшись доверием короля к сыну и тем, что у него есть доступ к королевской печати без конца подпадающего отца, он подделывает королевское письмо, обречая и Гамлета на смерть и полагая, что таким образом не только обезопасит себя от возмездия, но и расчистит путь к трону.

В.К.: Получается, что единственный, кто заинтересован в том, чтобы правда о происшедшем в замке не стала известной, — Горацио, а, следовательно, именно он является рассказчиком в «Гамлете», стараясь всеми силами эту правду скрыть?

А.Б.: Да, это так — и в «Гамлете» есть прямое указание на это: умирая, принц Гамлет говорит: «Горацио, я пишу / Ты жив; поведай правду обо мне / Неутешенный...», а отвечая на заявление Фортинбраса о правах на престол, Горацио подтверждает свое намерение описать происшедшее: «Об этом также мне сказать придется / Из уст того, чей голос многих слышит...»

В.К.: То есть из уст Шекспира?!

(Продолжение следует.)